

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-284-292

УДК 821.161.1

МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ВИНЫ И НАКАЗАНИЯ В РОМАНЕ Ш. ИДИАТУЛЛИНА «ГОРОД БРЕЖНЕВ»

Т.М. Колядич

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, Малая Пироговская, 1

В статье рассматриваются особенности мотивной организации в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев». Устанавливается, что доминантными являются мотивы преступления, вины и наказания. Решение поставленной Ш. Идиатуллиным задачи мотивной организации происходит через лексику, сопоставительные характеристики, диалог. Высказывается предположение, что авторская точка зрения отводится на второй план, сюжетные линии разных героев, выстраивающиеся в отдельные мотивы, позволяют прояснить непреднамеренное убийство (основная фабульная линия). Поэпизодное построение романа способствует созданию объемного повествования.

Ключевые слова: структура, мотив, герой, ситуация, речевые особенности, диалог, внутренний монолог

Изучение структурных особенностей произведения сегодня относится к приоритетным направлениям современного литературного процесса. В последних работах Р.Л. Красильникова, И.И. Сухих обобщены имеющиеся точки зрения, связанные с одним из компонентов сюжетной структуры — мотивом [3; 4].

Именно мотивы, представленные в романе Ш. Идиатуллина, одного из активных участников современного литературного процесса и стали предметом исследовательской рефлексии. В качестве рабочего принято определение, коррелирующее с точкой зрения Р.Л. Красильникова, что мотив представляет собой *«устойчивый минимальный значимый предикативный структурный семиотический компонент художественного текста»* [3. С. 81].

В качестве рабочей гипотезы автор статьи основывается на том, что мотив — это особая текстовая единица, в нашем случае представляющая собой повторяющийся элемент.

В своей книге Дж Арчер, Л.П. Джокерс «Код бестселлера» приходят к итоговому выводу, что в литературе существует ограниченное количество сюжетов, поэтому повторение той или иной схемы неизбежно [1]. Следовательно, можно выявить доминантные мотивы для каждого произведения, имеющие в то же время свойства универсалии.

В статье ставится следующая цель: рассмотреть основные мотивы романа Ш. Идиатуллина, определяющие структуру произведения и характеристику действующих лиц.

Сюжетная концепция романа основывается на сочетании ряда мотивов, композиция проявляется через выстраивание разных мотивов и переход от одного мотива к другому. Доминантные мотивы преступления и вины являются структурообразующими, мотив наказания определяет особенности характеристики героя.

Рассматривая последовательно построение романа, замечаем, что он имеет замкнутую структуру, о чем в первую очередь свидетельствует заглавный комплекс, указывающий на основную тему, раскрываемую в ходе повествования. Структура романа построена традиционно, основное действие начинается с «Пролога» и завершается «Эпилогом». Однако на самом деле устройство произведения более сложное. Авторское описание отведено на второй план, повествователи — различные герои. В основных главах действие ведется от лица главного героя, мальчика Артура. Поэтому прежде всего описываются его реакции, точки зрения, размышления.

В «Прологе» речь идет о событии, которое подробно обозначится в последующих главах. Герой сообщает: «Я очень хотел домой, всем избитым телом и головой. Но понимал, что сразу домой лучше не ехать. Хамадишин наверняка дал команду всем постам — или как там у них говорится, — так что сейчас по округе начнут ловить помятых пацанов, а если не поймают, будут выяснять у прохожих и проезжих, куда поехал помятый пацан» [2. С. 5]. Используя жаргонизм «помятый пацан», автор показывает, что ситуацию представляет именно герой. Употребление неформатной лексики также свидетельствует о том, что описание принадлежит герою, который в своей среде использует его при обращении к своим товарищам.

Артур стремится находиться в определенном сообществе и в то же время хочет оставаться самим собой: «Сроду не думал, чей я. Я свой. То есть немножко мамкин-батьков, немножко сорокшестовский, немножко школьный, но это все детали. К тому же ни в комплексе, ни в школе отдельной конторы нет, а примкнуть к кому-то постороннему я всегда успею...» [2. С. 422]. Упоминания о «конторе» и «комплексах» связаны с тем, что подобным образом обозначается особое устройство города, в котором живет герой. Автор не поясняет смысл обозначений, они становятся ясны из контекста.

Философия Артура незамысловата и примитивна, отстаивая свое «я» он учится драться, занимается запрещенными видами боевого искусства. «И власть не виновата, никто не виноват, просто жизнь так устроена: справедливость в ней то ли есть, то ли нет». «А можно и по-другому считать: что комсомолец круче и беспощадней любого конторского — тот в морду даст, а этот вон башку отрезать собирается вполне серьезно» [2. С. 452].

В конце романа в диалоге с отцом герой подводит своеобразный итог своим поступкам: «И подумал: теперь веселая жизнь начнется, мне убивать нельзя, меня — можно.

Раз так, буду учиться бить первым — и так, чтобы только не убить, а все остальное в ассортименте» [2. С. 680].

В одной из таких стычек герой побеждает Стаса Гаврилова, члена БКД (Боевой комсомольской дружины), помогавшей милиции в борьбе с трудными подрост-

ками. Гаврилов хотел отнять у друга Артура магнитофон, поскольку подумал, что он не может принадлежать мальчику: «Я умею выручать приятелей и одним ударом валить амбалов. Я кабан и красавец», — с гордостью заявляет Артур [2. С. 430].

О своем подвиге герой расскажет позже, когда пацаны позовут его играть в палки, т.е. драться с жителями другого комплекса особым оружием. «Мне тоже не хотелось расплескивать приятное ощущение полной победы. Ни танцами расплескивать не хотелось, ни комплиментами и рассказами о моем подвиге, без которых сегодняшнее мероприятие наверняка не обошлось бы» [2. С. 268]. В данном эпизоде фиксируется состояние героя, основным структурообразующим приемом становится перечисление, выраженное глаголами действия.

Авторское пояснение снова не дается. Хотя одновременно Ш. Идиатуллин обозначается проблема, которая имеет особое значение не только для данного героя: «А на фига мне такие друзья, которые отстают, когда махла начинается? Такие друзья никому не нужны. Потому что это не друзья ни фига» [2. С. 269]. Артур порывает отношения, поскольку друг не помог ему во время стычки с бэкадэшником. Жесткие и грубые реалии окружающего мира оказывают постоянно воздействие на героев.

Разговорный дискурс в приведенном отрывке, выраженный с помощью неформатной лексики («на фига», «махла»), подчеркивается и риторической конструкцией. Одновременно очерчивается и конфликт. Не случайно Артур заявляет: «Я был сегодня безгрешным, уроки сделал, форму повесил и даже посуду помыл...» [2. С. 472].

Внутренний конфликт перерастет во внешний. Описывая разные ситуации, Ш. Идиатуллин подробно обозначает взаимоотношения героев. Герой корит себя за смерть друга: «Бреду сейчас, горюю, гоню от себя мысли, что это я во всем виноват...» [2. С. 498]. Хотя в случившемся Артур не виноват, следует пояснение: «Они просто делают свою работу — скучно и умело. Работа заключается в том, чтобы бить и убивать пацанов — ну и взрослых, наверное, я про такое тоже слышал» [2. С. 475].

Речь идет о деятельности милиционеров, так вводится в роман сюжетная линия, связанная с капитаном Хамадишиным. Он расследует несколько дел, одно из них связано с преступной группировкой, поставляющей в г. Брежнев оружие.

Во время одного из рейдов тот же Стас Гаврилов задерживает подростка по имени Гипьманов, которого подозревают в совершении несколько проступков. На совещании в УВД, где обсуждается план дальнейшей деятельности, приходят к следующему выводу: «Косвенные доказательства указывают на связь Гильманова с группой, налаживающей поставку в Брежнев оружия, в том числе огнестрельного, из южных регионов, а также, возможно, с неудачной попыткой ограбления комиссионного магазина в шесть-ноль один. Этими делами также занимался Хамадишин» [2. С. 631].

Однако тогда же выясняется, что преступление, связанное с убийством капитана Хамадишина, совершил кто-то другой, не тот, кого арестовали. В разговоре постепенно проясняется личность потенциального преступника: «левый парнишка какой-то, просто спортсмен, видимо, может, из сорок пятого», «дерзкий

пацан с поставленным ударом» [2. С. 625]. Портретное изображение характерологического свойства, указываются отдельные качества персонажа.

Вторым подозреваемым становится Виталий Соловьев, который во время драки, защищая свою девушку, жестоко избил Сергея Печочникова, в дальнейшем пострадавшего от неосторожного обращения с оружием. Соловьева допрашивают несколько раз, после драки и во время нового расследования. В УВД допросы проводят лейтенант Ильин и капитан Хамадишин. Они полагают, что Соловьев возглавлял преступную группу подростков. Автор комментирует: «Без отпечатков и иных улик менты могли предъявить Виталику лишь досужие домыслы, случайные совпадения и голую дедукцию...» [2. С. 532].

Объемность и панорамность описания создаются сочетанием изображения разных взглядов: «Поняв, что Хамадишин себе напридумывал, Виталик сперва развеселился, потом разозлился и запаниковал. Придуманная капитаном версия была неустойчивой, завиральной и совпадающей с реальностью всего в паре пунктов, но этих совпадений вполне хватало, чтобы подрубить карьеру, надежды и жизнь Виталика» [2. С. 513]. Основным приемом создания сюжетной ситуации становится перечисление, выведенное глаголом действия и определениями. Использование уменьшительно-ласкательного суффикса для обозначении имени героя свидетельствует о вхождении в авторскую речь речи героя, автор обозначает его точку зрения репликой: «Шерлок крученный». Замечание относится к милиционерам.

Сам себя Соловьев оценивает как героя, стоящего выше окружающих, поскольку он является бывшим участником афганской войны, его буквально боготворят подростки, он обучает их приемами боевого искусства. Не случайно милиция приписывает ему руководство преступной группировкой.

Образная характеристика позволяет автору ввести другой сюжетный разворот мотива вины. Соловьев полагает, что он разубедил Хамадишина в том, что «в лице честного работника Соловьева доблестная брежневская милиция нащупала организационный и мозговой центр преступной группы, которая сколачивается из невинных подростков под комсомольско-производственным прикрытием и готовится вооружаться, грабить и устраивать массовые беспорядки» [2. С. 512]. На самом деле этого не происходит.

В своей монографии Р.Л. Красильников отмечает, что композиция текста обусловлена не только «специфически избираемой точки зрения, но и последовательностью эпизодов» [2. С. 102]. В нашем случае параллельно с описанием события одним персонажем представляется восприятие случившегося другими персонажами. Дополним точку зрения исследователя, соединение нескольких точек зрения придает описанию объемность, ситуация постепенно проясняется.

Кроме того, Р.Л. Красильников показывает, что «танатологические мотивы могут располагаться и в середине текста», тогда они обозначают «концептуальную границу текста, связаны с кульминацией повествования». В данном случае «внутренний мир и поведение персонажей меняется в связи с убийством или гибелью близкого человека» [2. С. 102–103].

В нашем случае подобных сюжетных точек несколько, поскольку убийство милиционера имеет резонансное значение, его обсуждают, о нем говорят жители

города. «Вот так умирал, что из лифта и с первого этажа кровь потом тряпками выгоняли, две недели подошвы липли» [2. С. 623]. «Мистика все-таки какая-то: два таких страшных преступления подряд, ни с того ни с сего, на пустом месте — и в обоих нож и лифт» [2. С. 680]. Ключевое слово «лифт» входит в общую матрицу города.

Сам милиционер вызывает у окружающих двойственные чувства. Мать Артура Лариса вспоминает «огромного милиционера с гаденькой улыбкой». Похожее отношение возникает у окружающих, повторяющееся определение становится атрибутивным признаком: «улыбнулся совсем гадко», «...и снова заулыбался. Гадко».

Собственно сцена убийства показана с разных сторон. Авторское описание обозначено в главе «Кнопка диспетчера» (часть шестая). Само событие передано подробно, соединяются точки зрения автора и героя: «Хамадишин заметил пацана» и «надо было проверить впечатление». Мотив встречи является структурообразующим, он дополняет мотив преступления, о котором далее пойдет речь. Кроме того, объемность повествованию придают размышления Хамадишина о возможном ходе действия, его воспоминания о том, как в милиции выбивают признания из подростков. Отстраненный за свое поведение Хамадишин предвидит свое триумфальное возвращение, «офицера, за которым охотятся малолетние мерзавцы, науськанные взрослыми преступниками» [2. С. 493].

Действительно, Артур решает сыграть в сыщика, он заявляет: «Выслежу, где падла живет...» [2. С. 486]. Свое поведение герой оценивает критически: «Надо было, наверное, следить как-нибудь умно и грамотно, останавливаясь за столбами, выглядывая из-за угла и прикрываясь попутными прохожими. ...Я просто брел за капитаном, пытаюсь не отставать, но и не нагонять его сильно» [2. С. 486]. Самооценка определяет характеристику героя.

Впрочем, несмотря на уловки, преследуемый обнаруживает слежку: «Хамадишин заметил пацана почти сразу, но сперва сомневался: малец не был похож на конторского ни одеждой, ни повадками. Однако он пошел за Хамадишиным с площади перед УВД, то есть со сходки, устроенной антиобщественными элементами...» [2. С. 490]. Авторское описание смыкается с точкой зрения героя, выраженной категорично и номинативно. Суждение автора выполняет роль ремарки, вводит в дальнейшее повествование. Именно Хамадишину принадлежит оценка героя, он дополняет и его самохарактеристику.

Автор не анализирует деятельность милиционера, только отмечает его состояние: «тот не успел вытрясти ту минутку послепраздничного вечера, короткую и неисправимую», «очень хотел зажмуриться, еще больше хотел оказаться в любом другом месте и совсем отчаянно — чтоб это был сон и он бы сейчас проснулся, а никакого мертвого пацана нет и не было» [2. С. 492]. Внутренний монолог доминирует, становясь основным способом характеристики персонажа.

Мысли о содеянном мучают Артура, он никак не может прийти в себя — «вспомнил лифт, нож и капитана Хамадишина». «Я понимал, что все правильно сделал — вернее, не все, и не понимал, а сто раз себе объяснил и ни разу толком не смог этому возразить» [2. С. 601]. Идиатуллин Ш. выстраивает повествование из отдельных эпизодов, структурообразующие мотивы нередко пересекаются и скре-

щиваются, выведенное столкновение героев обозначается мотивами встречи и вины.

О своем преступлении Артур рассказывает своему наставнику, Соловьеву. «Но если кто-то и был в моей жизни Родиной, которая ко мне хорошо относилась, учила, заботилась и пару раз спасала, и которая заслужила мою любовь, — то это был он, Витальголич» [2. С. 603]. Таково объяснение героя, он выражает свое отношение, как обычно, категорично и однозначно, высказывание образуется глаголами действия.

Между персонажами возникают особенные отношения, их обозначает отец Артура, которому автор доверяет право оценки ситуации. «Любил он, кажется, Виталия». Правда, и в данном случае указывается, что герою свойственно категорически оценивать ситуацию: «Из сердца вон — для Турика это было более чем актуально» [2. С. 649].

Схождение, а затем и расхождение героев происходят не случайно. Артур воспринимает мир однозначно, делит его на «наших и ненаших». Подобное же отношение к окружающей действительности встречается у Соловьева. Прием параллельной характеристики традиционно используется в литературе, в рассматриваемом случае он соединяется с мотивом зеркала, некоторые ситуации и характеристики оказываются сходными.

Двойственное восприятие действительности отражается в позиции героя. Проясняя его точку зрения, автор вводит внутренний монолог, герой не верит в то, что мальчик действительно совершал свой проступок. «...уличный пацан, словивший в рыло от мента, которого потом кто-то убил» [2. С. 538].

Вначале Соловьев иначе относился к ситуации, стремился, чтобы никто не заметил истерики Артура, приведшей к невольному признанию. «Беда пришла — не на порог, а на всю голову». Снова два взгляда смыкаются в одном повествовании: «Так ему и надо, сказал Артур. Еще раз бы убил, и два раза, и три, потому что такая сволочь жить не должна» [2. С. 538].

Перемена точки зрения отражается в другой характеристике героя, Соловьев вспоминает «здорового лба с мамой-папой, в фирменных кроссовках, наверняка с магнитофоном и вообще полным мешком радостей, о которых Виталик в детстве мог только мечтать» [2. С. 686]. Он не хочет быть «чужой жилеткой» и мстит Вафиным за то, что семья Вафиных виновата в его неудавшейся карьере, помешала «шикарному взлету Виталика на камазовской площадке» [2. С. 687]. Поэтому Соловьев и мстит — «урок им будет». Использование сравнения не случайно, оно указывает на биографию героя, бывшего десантника, парашютиста. Мотив вины соединяется с мотивом ненависти.

Попав в экстремальную ситуацию, Артур не выдерживает и во второй раз признается в совершенном преступлении. Основное содержание романа определяется описанием мира подростка, именно родители играют существенную роль в его жизни, отец является также для него своеобразным эталоном. Не случайно признание героя построено в форме диалога с отцом, который и анализирует ситуацию: «Ты хотел его убивать?» «Значит, с твоей стороны была допустимая самооборона». Рассуждения героя конкретного свойства, ведь милиционер мог убить его ребенка. Одновременно Вазых ставит задачу, жить сегодняшним днем,

когда «все самому приходится решать, без подсказок и шпор». Свою роль Вазых видит в следующем: «Что бы ты ни сделал, я помогу, понял?» [2. С. 680].

В диалоге обозначаются точки зрения героев: «И я только сейчас вдруг понял, что и меня месяц назад могли пришить до смерти». Анализируя ситуацию, осознавая, что «все сделал правильно», Артур одновременно пытается определить свою позицию, выяснить, за кого ему следует умирать. В конце романа в «Эпilogue» герой подводит итог своим размышлениям, отмечая, что «убивать нельзя»: «У меня своя Родина — мама, папа, еще кто-то, кто не родился, но кого я уже люблю... Мой дом, мой комплекс, пацаны, Танька, мой город Брежнев. Я не знаю, как им служить, зато знаю, что буду их защищать. Как угодно, от кого угодно» [2. С. 698]. Обозначая точку зрения героя, автор не показывает, что его сознание изменилось, он просто фиксирует перемены. Описание состояний доминирует, развернутые обобщения отсутствуют, просто обозначаются разные взгляды на одну и ту же ситуацию.

Одним из приемов организации сюжетных ситуаций, в которых проявляется тот или иной мотив, становится кинематографический код. Поскольку в описанное время газеты, кино и телевидение были основными источниками информации, упоминание разных фильмов и СМИ становится временной деталью.

Одновременно отсылки к источнику становятся и частью характеристики героев: «Если же повезет, можно запереться в пустой комнате и выкушать портвейн в одно рыло, не спеша, смакуя и закусывая макаронами с маслом, как босс мафии или комиссар в фильме про очередное признание комиссара полиции прокурору республики» [2. С. 633].

Автор практически не комментирует описываемое. Позиция героя обозначается репликой — «в шпионов играете все», диверсанты «только в кино и бывают», «отслеживать связи подозреваемого, тем более конторского подростка, удобно в книжке про инспектора Лосева, но никак не в настоящей жизни» [2. С. 658].

Завершение своеобразного расследования происходит в самом конце. Официальную версию представляет Вазых, рассказывая, что члены банды признались в том, что их погибший главарь убил Соловьева. Версии жителей города передает Артур. Сам он не может смириться с гибелью Соловьева и мифологизирует его смерть, полагая, что он просто уехал со своей возлюбленной. Приводя множественные точки зрения, Ш. Идиатуллин вновь передает право ведения повествования герою, через описание его переживаний обозначается случившееся. Таким образом, начавшись с обозрения внутренних переживаний Артура, автор ими и завершает роман, композиция образуется кольцевая.

Авторские интенции позволяют прийти к следующим выводам. Концептуальным для определения содержания романа служит мотив вины. Наказание не следует, ибо герой — подросток, до конца не осознающий происходящее. Хотя в «Эпilogue» через его рассуждение выводится своеобразный план дальнейших действий. Танатологический мотив становится ведущим, выполняет роль скрепа, остальные значимые мотивы выступают как дополнительные (мотивы настроения, любви (родительской и подростковой)). Они проявляются в отдельных сюжетных ситуациях.

Авторская точка зрения отведена на второй план, в большинстве случаев ее заменяют реплики и комментарии героев, проявляющиеся в диалогах и внутренних монологах. Идиатуллин Ш. обозначаются разные состояния героев, структурообразующим компонентом становится рефлексия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Арчер Дж., Джокерс Л.П.* Код бестселлера. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2017. 256 с.
- [2] *Идиатуллин Ш.* Город Брежнев. М.: Азбука, 2017. 699 с.
- [3] *Красильников Р.Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
- [4] *Сухих И.И.* Структура и смысл: теория литературы для всех. М.: Азбука, 2016. 544 с.

© Колядич Т.М., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 5 мая 2018

Дата принятия к печати: 29 мая 2018

Для цитирования:

Колядич Т.М. Мотивы вины, преступления и наказания в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 3. С. 284–292. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-284-292

Сведения об авторе:

Колядич Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета. *Контактная информация*: e-mail: kolyadich53@mail.ru

MOTIVES OF CRIME, GUILT AND PUNISHMENT IN SH. IDIYATULLIN'S NOVEL "THE CITY OF BREZHNEV"

T.M. Kolyadich

Moscow State Pedagogical University
1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

This paper considers the peculiarities of the motif's structure in the novel of Sh. Iduatulin "Gorod Brezhnev" "THE CITY OF BREZHNEV". An assumption is made that the dominating motives are the motives of the crime, guilt and punishment, which are solved by the peculiarities of the language, comparative characteristics, dialog. The main supposition is linked with the suggestion that the author's view is not dominating, the plot is defined by the subject views of the heroes, which have their own voices in the narrative, which is constructed from the episodes. Thus Sh. Iduatullin solves his task linked with the representation of the motives.

Key words: structure, motive, hero, situation, language peculiarities, dialog, internal monologue

REFERENCES

- [1] Archer Dzh., Djokers L.P. Kod bestsellera [The Bestseller Code]. М.: Colibri; Azbuka-Atticus, 2017. 256 p.
- [2] Idiutulin Sh. Gorod Brezhnev [The city of Brezhnev]. М.: Azbuka, 2017. 680 p.
- [3] Krasilnikov P.L. Tanatologicheskie motivy v hudozhestvennoj literature [Tanatological Motive in fiction]. М.: Isiki slavonic literature, 2015. 488 p.
- [4] Sukhih I.I. Struktura i smysl: teoriya literatury dlya vsekh [The Structure and the Meaning. The Theory for Everybody]. М.: Azbuka, 2016. 544 p.

Article history:

Received: 5 May 2018

Revised: 18 May 2018

Accepted: 29 May 2018

For citation:

Kolyadich T.M. (2018). Motives of the Crime, Guilt and Punishment in the Roman of Sh. Idiutullin's "Town Brezhnev". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (3), 284–292. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-284-292

Bio Notes:

Kolyadich Tatiana Michailovna, Doctor of Philology, professor of the Department of Russian Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University. *Contacts*: e-mail: kolyadich53@mail.ru